

КОРОЛЬ ПОЭТОВ

115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА (1887—1941)

ЗИНАИДА ГОЛОЩАПОВА

Евой поэтический образ Игорь Северянин формировал годами, чутко улавливая все то, что вызывало особое расположение читателя. Среди поэтов Петербурга ему было нелегко обратить на себя внимание — не хватало прежде всего образования, круга общения, того, что входит в понятие литературной среды. Сам же Игорь Северянин был поэтом открытым, искренним.

Первая его книга “Громокипящий кубок” появилась в 1913 г. Она была началом его творческого пути, хотя в автобиографии поэт писал, что в 1904—1905 гг. издал 35 брошюр со стихами. То есть почти десятилетний отрезок его творческого пути оказался незамеченным современниками. В этом есть своя справедливость, так как именно со сборника “Громокипящий кубок”, где как бы откристаллизовался северянинский стиль, не похожий ни на чей, к поэту приходит настоящая известность.

У его славы была одна особенность — она распространялась не столько благодаря его книгам, сколько благодаря концертным выступлениям. Северянинские стихи необыкновенно разнообразны по интонации, они обладают исключительной гибкостью, пластичностью и своей напевностью как бы предназначены для соединения с музыкой. Для выступления на эстраде поэт выработал особую манеру исполнения, которую недоброжелатели называли “подвыванием”, а поклонники — “почти пением”. Начиная читать почти мертвенным голосом, переводя интонацию на распев, он затем с замиранием резко обрывал стихотворную

строку. И буквально через несколько минут всецело овладевал настороженным вниманием публики. Заунывно-пьянящая мелодия получения-полураспева властно и гипнотизирующе захватывала слушателей. По мнению критиков, “северянинщина” становилась опасной модой, поветрием. Между тем самоупоенный автор “Златолиры” и “Ананасов в шампанском” завоевывал столицу, и его широкая известность начинала переходить в громкую, почти скандальную славу.

Существует не так много источников, из которых можно составить представление о реальной жизни поэта. О себе и своей жизни он писал в стихах, где рассказывалось об отрочестве и юности в Череповце, череповецком училище, поездке с отцом на Дальний Восток, эпизодах из Русско-японской войны. А потом — любовные романы, один загадочнее другого, овеванные средневековой романтикой, а дамы сердца — маркизы и великосветские красавицы. Биографические подробности встречаются и в поэмах “Роса оранжевого часа”, “Рояль Леандра”, “Колокола собора чувств”, “Падучая стремнина”, а на склоне лет, уже в эмиграции, в серии газетных заметок — воспоминаний “Уснувшие весны”. Несмотря на шумные триумфы и на присвоенный ему титул короля поэтов, которым он был увенчан в 1918 г., мемуаристы почти не касались творчества Северянина, а если писали, то в основном об этих самых шумных триумфах и о недоумении, которое вызывал у литераторов его небывалый успех у публики.

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев) родился в Петербурге 16 мая 1887 г. в небогатой семье. Его отец происходил из мещан и был военным инженером. Мы знаем о дворянском

Зинаида Ивановна ГОЛОЩАПОВА, директор
Централизованной библиотечной системы,
г. Железнодорожный, Московская обл.

происхождении матери, урожденной Шеншиной, находившейся в дальнем родстве с поэтом Афанасием Фетом, историком Н. Карамзиным. По линии матери Северянин был в родстве с известной оперной певицей Е. Мравинской, а также с большевичкой, защитницей женского равноправия А. Коллонтай.

В раннем детстве Игоря часто брали с собой в театр взрослые. В Мариинском пел Шаляпин, выступал Стравинский. В атмосфере пения, музыки, праздника рождалась его любовь к театральности, которая затем воплотилась не только в самих стихах, но и в эстрадной манере их исполнения. Игорь горячо любил мать и сильно переживал, когда отец, получив место коммерческого агента на Дальнем Востоке, на полуострове Квантун, взял сына с собой, надолго разлучил его с ней. После развода родителей в 1896 г. он до 1903 г. жил с отцом, переехавшим к родственникам в Череповец.

Жизнь в этом городе имела огромное значение для молодого человека: здесь он навсегда полюбил северную природу с ее реками и озерами, богатыми рыбой. Эта любовь пройдет через все его творчество, не случайно и псевдоним он выбрал себе — Северянин.

Перерождение Игоря Лотарева в Игоря Северянина произошло под влиянием поэта К. Фофанова, которого Северянин в дальнейшем неизменно почитал как своего первого и главного наставника, посвятив его памяти несколько стихотворений и благодарные воспоминания. Сборник стихов Игоря Северянина “Лазоревые дали” с предисловием К. Фофанова предвещал будущий классический северянинский стиль:

*Вдыхайте солнце, живите солнцем, —
И солнцем сами блеснете вы!*

Кроме стихов, у Игоря Северянина была еще одна привязанность — опера. Она так и осталась из всех видов искусства наиболее близкой его поэтическому миру с тяготением к мелодраматизму, с архаическими графами и баронами, каретами и замками. “*Благодаря чтению, — вспоминает Северянин, — и... в особенности же благодаря оперной музыке, произведшей на меня сразу же громадное впечатление и зачаровавшей ребенка, мое творчество стало развиваться на двух основных принципах: классическая банальность и мелодическая музыкальность...*”

В 1911 г. Северянин с товарищами предпринял попытку подогреть интерес публики к себе, основав Академию эгопоэзии “Вселенский футуризм”. Первым и главным тезисом различных футуристических групп было отрицание классического наследия, как якобы безнадежно устаревшего. Отвергали они и всю современную поэзию, объявив себя пророками нового искусства. В северя-

нинском “Письме из усадьбы” мы читаем: “*Футуризм для нас, молодых поэтов, — красный плащ то-реадора...*”.

В начале века просто так поэту прославиться было сложно. Это была эпоха сродни карнавалу, когда для того, чтобы заметили, необходимо было подобрать яркий, необычный наряд. Например, Николай Клюев ходил по Москве и Питеру в красной рубашке и смазных сапогах, изображая “мужика”, Владимир Маяковский появлялся в желтой кофте, а когда его спрашивали, почему он в желтой кофте, он отвечал, “чтобы быть не похожим на вас”, Зинаида Гippiус появлялась в обществе в гетрах и с лорнеткой. Создавая собственный эстрадный облик, Северянин использовал свое несомненное внешнее сходство с английским поэтом Оскаром Уайльдом. Он подчеркивал это сходство всеми доступными способами — подвивая волосы, нося строгие костюмы в стиле своего кумира. Поэт отличался умением подать себя, как никто чувствовал аудиторию и знал своего читателя. Северянинская известность с самого начала носила отпечаток литературного скандала, не случайно он сам скажет о ней — “*моя двусмысленная слава и недвусмысленный талант*”. Он писал о себе: “*Я поэт экстаза, каприза, свободы и солнца*”. (Сле-

дующий шаг по проложенному пути сближения поэзии Серебряного века и эстрады сделал Александр Вертинский — в его исполнении поэзия доходила до самых широких, даже нечитающих, слоев.)

Нужно отметить, что при всей “двуслышенности” северянинской славы, его творчество ценили весьма авторитетные поэты того времени: А. Блок, О. Мандельштам, Ф. Сологуб и др. “Это — настоящий, свежий детский талант”, — записал А. Блок в дневнике после чтения северянинского сборника. — *Легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадёжно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении...*”

Однако в кругу поэтов Серебряного века Северянин стоял особняком. Только с Федором Сологубом его связывали дружеские отношения. Ему же было суждено сыграть и очень важную роль в судьбе Северянина. Сологуб написал предисловие к главному и лучшему сборнику стихов “Громокипящий кубок” (1913), с которого и начинается подлинное восхождение в “большую литературу” Игоря Северянина.

Сборник “Интуитивные краски” в поэтической судьбе Северянина стоит особняком благодаря стихотворению “Хабанера”, где есть такие строки:

*Вонзите штопор в упругость пробки, —
И взоры женщин не будут робки...*

“Хабанеру” прочитал Л. Толстой и отозвался о ней с возмущением. “Об этом, — вспоминал Северянин, — мгновенно узнали московские газетчики... после чего всероссийская пресса сделала меня известным на всю страну!.. И с легкой руки Л. Толстого каждая моя новая книга комментировалась критикой на все лады меня стали бранить все, кому не лень...” Несмотря на разноречивость суждений критиков и собратьев по футуризму, именно Северянин был провозглашен королем поэтов на литературном вечере поэзии в Политехническом музее. Другими претендентами на этот титул были выступавшие там же В. Маяковский и К. Бальмонт. В. Брюсов признавал: “Это — лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир...” Северянин и прежде называл себя “королем”, однако соглашался им быть как бы нехотя:

*Мне скучен королевский титул,
Которым Бог меня венчал...*

И тем не менее после формального признания этот “скучный” титул он неоднократно использовал в афишах своих выступлений. В стихотворении “Рескрипт короля” он пишет:

*Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.*

*Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недостижимым стихам.*

*Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден,
Что всех прощу и каждой веро
Отдам почтительный поклон.*

Еще в самом конце 1917 г. Северянин переехал в дачный поселок Тойла, вскоре отошедший к Эстонии, и оказался за пределами России. Это не была сознательная эмиграция. В 1922 г. он связал свою жизнь с молодой эстонской поэтессой Фелиссой Круут, делившей с ним все тяготы эмигрантской жизни вплоть до развода в 1935 г., сильно осложнившего и без того нелегкую жизнь молодого поэта. Нет сомнения, что при всех проблемах безденежья, при отсутствии литературной среды и читателей пребывание в Эстонии стало для Северянина спасительным. Благодаря ему он избежал более тяжелых испытаний. Но для его творческой судьбы эмиграция не могла не стать роковой: король поэтов остался без королевства.

В первые годы жизни в Эстонии Северянин много ездил с выступлениями по Литве, Латвии, Германии, Финляндии, Польше — везде, где были центры русской эмиграции. В 1919—1923 гг. он издал девять книг, шесть из которых вышли в Германии. В последующие годы он занимался преимущественно литературными переводами и только в 1940—1941 гг. пережил недолгий творческий взлет, который был прерван смертью 20 декабря 1941 г. Похоронен он в Таллине. На его могиле сделана надпись из его стихотворения “Классические розы”:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

Среди поэтов Серебряного века Игорь Северянин остается самым близким и доступным: независимо от читательского опыта его стихи не приходится долго разгадывать, не мешает даже обилие в них иностранных слов. Стихия свободы и воображения — вот то, что составляет самую привлекательную для читателя сторону его поэзии. Об этом и замечательные слова Ф. Сологуба: “Я люблю стихи Северянина за их легкое, улыбочное, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах держащей, пламенной волей упоенной души поэта...”